

ПУТЕВОДИТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

4/2004

# Роман-журнал XXI век



ПРАЗДНИК СЛАВЯНСКОЙ  
ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ:  
ПИСАТЕЛИ РОССИИ



Михаил Абакумов. Бурный день. 2001.

Андрей ФРОЛОВ  
г. Орел

# “МУСОРНЫЙ ДЕНЬ”

Что такое “мусорный день”? “Мусорный день” — это почти как праздник. Во всяком случае, так его ждут. А случается он раз в неделю — у нас это воскресенье. Именно в этот день по улице сверху вниз неторопливо, с длинными остановками, проезжает мусоровоз. Давно уже кем-то определены конкретные места, где грохочущая и дребезжащая машина останавливается, водитель как бы нехотя выкарабкивается из кабины, с глубокомысленным видом манипулирует рычагами сбоку кузова, и огромная шарнирная рука ставит на землю мусорный контейнер. А народ уже давно собран, организован и сплочен. Впрочем, по порядку.

Мусоровоз проводит тотальную чистку улицы примерно с часу до трех дня. Но ещё до полудня над нашей дверью визгливо кричит звонок: в калитку, боясь собаки, которой давно нет, просовывается соседка тетя Надя и торжественно возвещает:

— Сегодня — мусор!

Об этом никто не забывал, но соседку всё равно благодарят за хорошую весть. Ещё полчаса спустя отец начинает собираться.

— Пойду, — говорит, — на пост.

Мама возмущается:

— Куда ты? Только половина первого. Тебе что, до поста полчаса идти, что ли? — Но это нужно понимать, этого события целую неделю ждала вся улица, на которой сегодня необычайно людно. Не удаляясь от своих калиток, прохаживаются разно одетые обыватели. Кое-кто уже вынес и поставил — пока на этой стороне улицы — пластиковые ведра, оцинкованные выварки, полиэтиленовые пакеты с мусором. Каждый поочередно подходит к проезжей части и напряженно всматривается вдаль. Народ пока разогревается общением с непосредственными соседями.

Другой наш сосед, Борис, выходит как всегда в сопровождении собачонки — сегодня это черно-белая Муха, значит, Жучка была в прошлый раз. Борис озабоченно спрашивает:

— Будет сегодня, не знаешь?

Отец не знает, но говорит, что нужно надеяться. Они начинают лениво обсуждать различные бытовые проблемы. Муха, не очень-то обращая внимание на пристающего уличного кобеля, живо интересуется содержимым чужих мусорных ведерок.

Ближе к часу народ, прихватив свои емкости с мусором, начинает перемещаться на другую сторону улицы, к месту остановки мусоровоза.

Вот тут-то и разворачивается действие, ради которого, собственно, все и собрались, — живое общение по полной программе. Кумушки, в обычные дни не имеющие при-

чин встретиться для обсуждения свежее испеченных новостей, собираются в небольшие группки и буквально рвут эти самые новости друг у друга изо рта. Хвастаются зятьями, прикупившими автомобили, шубы их дочкам, хрустальные люстры и кухонные комбайны. Проклинают зятьёв пьющих и нерадивых. Осуждают беспутную Нинку, завешшую “нового хахала”, и Верку-дуру, от которой сбежал “мужик-золото”.

— Петрович, выпьешь? — это мужики уже расположились на крылечке одного из домов поблизости. Здесь беседы ведутся традиционно о “правильной политике президента”, о том, что “шуку лучше брать в половодье, по мутной воде”, о том, что “Спартак” вчера облажался не по-детски”. По кругу ходит одинокий стакан, зато закуска припасена у каждого.

Притащилась, тяжело опираясь на клюку, древняя бабка из углового дома. В пластмассовом ведре погромыхивает коробка из-под кефира. Подошла к очередному вперёдсмотрящему, прошамкала беззубым ртом:

— Не видать, сынок?

Получив отрицательный ответ, поудобней уперлась хилой грудью в свою клюшку и заснула этакой треногой.

Подтянулась и ребятня, которой нет дела до собственно мусора, но раз уж собрался народ, стало быть, будет весело. Гомонят, “салки” загеяли.

Настроение праздничное, сравнимое разве только с атмосферой майских демонстраций прошлых времён, когда люди вот так же выходили из домов утром и, прежде чем отправиться по своим организациям и построиться в колонны, кучковались на родной улице, выпивали, шутили — общались, словом.

— Едет! — сверху вниз прокатилось по улице.

На секунду, вздрогнув, приостановилась ребятня, подобрались и теснее сплотили ряды взрослые. Действительно, в конце улицы, круто уходящей вверх, к вокзалу, показался трудно ещё различимый, но безошибочно узнаваемый мусоровоз.

Убедившись в неотвратимой близости апогея праздника, граждане возобновили разговоры, которые сделались более оживленными. Мальчишки с новой силой продолжили беготню и чуть не сшибли старушку, повисшую на клюке. Ведро с грохотом покатилося по асфальту проезжей части, потеряв на ходу кефирную коробку.

— А ну, цыть! — неожиданно громко и грозно крикнула проснувшаяся бабка и, будто спохватившись, едва слышно проскрипела, неизвестно к кому обращаясь: — Не видать, сынок?

Ведро тут же вернули, сунув туда одинокую коробку.

— Видать, бабка, видать, — за всех ответил Николай из дома, что напротив нашего. — Уже на Индустриальном стоит.

Следующее после Индустриального переуллка место остановки мусоровоза — наше. Тут уже из калиток начинают выглядывать те, кто до сих пор отсиживался дома. Это, которые или не в ладах с улицей, или молодые домохозяйки, коим с общественностью поделиться ещё нечем.

И вот мусоровоз скрипит тормозами и тяжело отдувается — прибыл! Контейнер установлен на землю и готов к заполнению. Но...

— Стоять! — громко командует водитель мусоровоза, закрывая грудью мусоровместо.

Люди с уже занесенными для броски ведрами и пакетами удивленно замирают. Только старушка с клюкой, наверно, по причине глухоты деловито ковыляет к контейнеру и вываливает туда свою пресловутую картонку. Завершив ритуал, она не спешит уходить домой, а отходит в сторонку и снова повисает на клюке.

— Предупреждаю, — инквизиторским голосом заявляет водитель. — В следующий раз мусор буду принимать только по предъявлению квитанции. Небось, половина из вас не платит.

— Как не платит?! Кто не платит?! — возбуждённо шумит народ. — Все платят!

Люди с мусором напирают, машут руками и брызжут слюной. Интересно, как это “в следующий раз” этот бюрократ собирается защитить контейнер от справедливо возмущенных обывателей, для которых жизненно важно расстаться с накопленными за неделю отходами? Наверно, и сам водитель задался этим вопросом, а может, вспомнил, что для народа он — всего лишь мусорщик, потому что обреченно махнул рукой и отправился в кабину выкурить очередную сигарету.

Началось! Воздух, отяжелевший с прибытием мусоровоза, загустел окончательно от мелькающих мусорных пакетов, криков “Посторонись!” и волнами распространяющегося от контейнера амбре. Кто-то в суматохе наступил на Муху. Её отчаянный визг послужил сигналом для начала следующего этапа мусоросдачи.

Нестройно захлопали калитки, из них рванули через трамвайные пути с ведрами те, какие не общительные: и бегут-то неуклюже, как-то бочком, суетливо — не наши люди. Молодые хозяйки семят, стесняясь домашних халатов, которые они одной, свободной, рукой пытаются запахивать на груди и удерживать от распахания внизу. Получается плохо, дамочки краснеют и готовы провалиться сквозь землю вместе с ведрами.

Трамвайное движение временно остановлено. Вагоновожатый понимает, что стихию не остановить, и даже не пытается нажимать на кнопку звонка — привык. Минимум десять минут трамвай будет стоять, пережидая, пока людской поток, катящийся через рельсы в обоих направлениях, станет жиже.

Контейнер наполняется быстро, граждане сноровисто бегают за новыми партиями отходов, торопясь выбросить всё, что можно. Те, что поопытней, вышли семьями и за одну ходку вынесли, кажется, чуть ли не весь имеющийся у них скарб.

Издавляя под тяжестью полиэтиленового мешка, приплёлся дядя Роман — ему ближе на Индустриальный, но весь мусор сплавить там он не успел.

— Роман, по всей улице собирал? — шутит кто-то.

Водитель уже трижды дергал рычаги, и шарнирная рука размашисто опрокидывала контейнер во чрево мусоровоза. Опыт подсказывает, что четвертого раза не будет — впереди ещё почти пол-улицы. Суматоха постепенно гаснет.

— Больше не принимаю! — кричит водитель, вскакивая на подножку. — Учтите, в следующий раз...

Не закончив, он снова досадливо машет рукой, прыгает в кабину и зло рвёт машину с места.

Всё. А народ не расходится. Исчезает лишь суетливое возбуждение, на смену которому приходит благодное удовлетворение: большое дело сделали — надо бы sprysнуть по-настоящему. Что мужики и намерены осуществить, собираясь неподальку, в тенёчке под липами. Потом кто-то принесёт низкий столик, достанут домино и будут, сдержанно матерясь, стучать костяшками уже дотемна. Женщины тоже не уходят, продолжая делиться впечатлениями о своей и чужой, да вообще — о жизни, в целом нелёгкой, но всё же дарующей редкие радости и оставляющей надежду на будущее, хотя бы в виде чумазных ребятишек, весело скачущих по уютным тротуарам родной улицы.

Заканчивается воскресный день. Заканчивается праздник, не быть которого просто не могло — ведь “все платят”.

# КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Улица Первая Курская. Самый конец. Так называемое “кольцо” трамвая четвертого маршрута. Внутри “кольца”, на травке, привязанные чуть ли не к рельсам, пасутся козы. Из расположенной рядом психбольницы для уголовников доносится хоровое пение. Стройное, в общем, красивое пение. Видать, готовятся к смотру художественной самодеятельности. Напротив, по другую сторону стального пути, настороженно притаившаяся школа. Занятия идут уже третий день, и школьники начали понемногу отвыкать от летних каникул.

На конечной остановке трамвая женщина средних лет и интеллигентной наружности ждёт редких покупателей семечек, небольшой мешочек которых растёкся по табуретке. Ожидание скрашивается обменом мнениями с пожилым мужчиной о вчерашней серии телефильма “Каменская”. У ног женщины пристроилась черно-белая собачка, деловито, без жадности поглощающая семечки, которые продавщица время от времени шепотками бросает на землю.

Трамвайный звонок испарывает тишину осеннего дня и долго верещит на одной ноте. Они стоят друг против друга: коза — прочно упершись в шпалы всеми четырьмя копытами, нагнув рогатую голову и тупо глядя в разные стороны; трамвай — опешив от подобной наглости. Кажется, он обалдело хлопает фарами. Победа пока за козой — на истеричные звонки она не реагирует.

Из вагона выскакивает молоденькая вагоновожатая и, ухватившись за веревку, с причитаниями тянет животину с пути. Безрезультатно. На помощь приходит кондукторша: сдвинув за спину позвякивающую сумку, мощным пинком она отправляет козу в кювет. Та даже не обижается — видно, такой язык понятен ей более всего. Путь свободен. Трамвай подтягивается к остановке уже пустым — пассажиры покинули его во время козьего конфликта. Разбрелись по своим делам, не оглядываясь, — привыкли.

Из глубины улицы, где разночинные домишки гроздятся один на другой, приковыляла старушка с клюкой. Потихоньку перевалив внутрь стального “кольца”, она принялась переставлять коз на другое место, где травка посочней. Натужно выдергивала из земли колья и, отойдя в сторону, забивала их обломком кирпича снова. Сил не хватало. Козы выдирали свежезабитые колышки и бодались промеж собой, не стремясь, впрочем, покинуть пределы пастбища.

Народу на остановке собралось человек пятнадцать. Делать было нечего, и все с интересом наблюдали за мытарствами старушки. Трамвай, позвякивая, умчался прочь, так и не открыв дверей. Народ погрозил вслед кулаком и принялся ждать следующий. Терпеливый у нас народ.

Со стороны почты вразвалку подошла тётка с большой сумкой. Никто и не обратил бы на неё внимания,

влейся тётка в спокойные ряды ожидающих. Но она вдруг срывается с места и бежит к старушке, воюющей с козами.

— Как дала бы сейчас сумкой-то по башке! — кричит она, подбегая. — Чего ты с ними вожжаешься?! На что они тебе?

— Дык, внуки же, правнуки... — бормочет старушка. — Хорошо молочка-то...

— Тыщу раз тебе говорила: продай их к чертовой матери! Сил-то — два раза чихнуть осталось. И где они, твои правнуки? Нужна ты им?

— Санечка навещает, как же... — не сдаётся старушка.

Из-за поворота вырывает трамвайный вагон, и тётка, досадливо махнув рукой, спешит к остановке. Народные массы приходят в движение, придвигаются ближе к полотну — надо успеть занять места в вагоне. Опасения понятны: из школы вырвалась толпа младшеклассников и стремительно несётся к остановке, сметая всё на своём пути. Нет сомнений, эти прорвутся в вагон по трупам. Сумятицы добавляет собачонка, обожравшаяся семечками: она вскакивает с места и начинает весело лаять в сторону приближающегося трамвая.

Трамвай скрипит тормозами. Школьники, улюлюкая, прибавляют ходу. Собака брешет. Народ волнуется.

Трамвайные двери, кашлянув, открываются. Начинается сутолока: прибывшие пытаются выйти, желающие уехать — войти. Несмотря на то, что последних больше, побеждают те, что выходят, — они атакуют сверху, с трамвайной подножки. Среди них из вагона вываливается молодой парень наглового вида с бутылкой пива в руке. Разогретый борьбой при дверях, он смачно, с отяжкой, поддаёт остроносым ботинком радостную собачку. Отчаянно скуля, собака отлетает в угол остановки, под лавку, тут же вскакивает и с яростным лаем бросается на обидчика. Получает ещё удар и бросается снова. Не ожидавший подобной несгибаемости от какой-то твари парень роняет пивную бутылку и звереет. Удары теперь сыплются на бедную собачонку с частотой механического кузнечного молота.

Опрокинув табуретку с семечками, на защиту животного спешит продавщица. Она храбро втискивается между слепым уже от ярости парнем и полуживой, но не сломленной собакой.

— Не бей! Не бей! Не бей!.. — кричит женщина.

Парень, грязно выругавшись, с трудом заставляет себя притормозить.

— Она кидается, а я смотреть должен, да? — Он так и произносит: “кидается”, с ударением на первый слог. — Твоя псина? Забирай и проваливай, пока тебя вместе с ней под трамвай не сунул!

Парень вальяжно направляется к магазину, на ходу поднимая с земли мешок с остатками семечек и пересыпав их себе в карман. Победитель.

— Вот и Санечка... — тихо произносит тётка с сумкой, глядя в окно из трамвая.

Трамвай, противно скрипя колесами на повороте, отбывает. Мимо окон слева проплывает старушка, судорожно сжимающая в опущенных руках веревку с козой, справа — стена тюремной психушки, из-за которой мощно доносится:

— Москва! Звенят колокола! Москва! Златые купола!..